

благодарю проф. Guidi за копію съ эксцерпта изъ ватиканской рукописи житія Евстаѳія и Д-ра W. E. Csum, благодаря любезному содѣйствию котораго я приобрѣлъ прекрасныя фотографіи цѣлыхъ рукописей житій Филиппа, Абія-Эгзіэ и Ираклида.

Б. Тураевъ.

I.

СВЯТЫЕ ЭОІОПСКОЙ ЦЕРКВИ.

Говоря о мѣсяцесловѣ эоіопской церкви, его первый и пока единственный изслѣдователь—Людольфъ, замѣтилъ, между прочимъ, слѣдующее: „nomina Sanctorum et Martyrum, nobis fere ignotorum reperiuntur non ob praevidiam canonizationem, quam illi ignorunt, sed of felicem illorum memoriam“¹⁾. Точно также d'Abbadie говоритъ о прославленіи святой Валатта-Петросъ, что эта святая „peut-être la dernière que la voix du peuple ait canonisé en Éthiopie, où l'on n'a pas nos règles précises sur la béatification et la canonisation“²⁾. Оба авторитетныхъ знатока Абиссиніи, конечно, правы, утверждая, что въ эоіопской церкви нѣтъ канонизаціи въ ея современной, особенно римской формѣ, но даютъ ли они полный отвѣтъ на вопросъ, какимъ путемъ попали въ эоіопскія богослужебныя книги и четьи-минеи туземные святые, откуда попали многочисленныя обширныя житія („gadl“ сб. „бореніе“, „подвигъ“³⁾) національных подвижниковъ и героев вѣры?

¹⁾ Hist. Aethiop. LIII, c. 6, 96.

²⁾ Catalogue raisonné de mss. éthiop. № 88, p. 100.

³⁾ Кроме того, что можно найти въ словарѣ Дилльманна в. в., укажу еще, что въ житіи Самуила вальдебскаго (рукоп. № 136 Пар. Нац. Библ., f. 51) есть параграфъ о „семи gadl“ преподобнаго съ перечисленіемъ его аскетическихъ подвиговъ. Отсюда понятно, что переводы этого термина, въ родѣ „certamen“, „contending“ неправильны.

Только ли *felix memoria* и *voix du peuple* имѣли здѣсь рѣшающее значеніе, или дѣло не обходилось безъ авторитета высшей церковной власти? Отвѣтить на этотъ вопросъ и мы не въ состояніи уже вслѣдствіе крайней скудости и случайности нашего матеріала. Мѣсяцеслововъ въ нашемъ смыслѣ для эіопской церкви у насъ подъ руками нѣтъ, кромѣ одного краткаго (n° 13,7 f.) и одного фрагментарнаго (166,6) въ Парижѣ; ихъ замѣняютъ для насъ синаксари, соотвѣтствующіе нашимъ прологамъ. Эти синаксари расположены въ порядкѣ коптскаго года и представляютъ переводъ съ коптскихъ съ присоединеніемъ краткихъ житій нѣкоторыхъ изъ національныхъ святыхъ или простыхъ замѣтокъ: „память такого-то святого“; иногда эта замѣтка сопровождается „саламомъ“¹⁾ въ честь святого; эти „саламы“ обыкновенно сопровождаютъ и житія и представляютъ туземное, абиссинское произведеніе. Эіопскіе синаксари имѣются въ различныхъ европейскихъ собраніяхъ рукописей²⁾ до сихъ поръ они еще не изданы, равно какъ и попытка познакомить ученый міръ хотя бы въ переводѣ съ ихъ оригиналомъ—коптскими синаксарями, благодаря протестантскому фанатизму, осталась невыполненной: вышла только половина года въ нѣмецкомъ переводѣ Вюстенфельда³⁾. Неоднѣннымъ пособіемъ остаются пока перечни житій и памятей эіопскаго синаксаря, составленные Дилльманномъ⁴⁾ и Зотанберомъ⁵⁾

¹⁾ Salam—миръ. Этимъ словомъ весьма часто начинаются молитвенныя обращенія въ эіопской церкви (миръ тебѣ!).

²⁾ Въ Британскомъ музеѣ ихъ 5 полныхъ—каждый въ двухъ томахъ (по полугодію) и 14 разрозненныхъ, въ Бодлеянѣ—одинъ въ четырехъ томахъ (по три мѣсяца); въ Парижской Национальной Библиотекѣ—одинъ въ двухъ томахъ и въ Берлинѣ—одна вторая половина.

³⁾ Synaxarium, das ist Heiligen-Kalender der Koptischen Christen. Aus d. arab. übersetzt. I, II. Gotha 1879.

⁴⁾ Catalogus codd. Mss. Biblioth. Bodleianae Oxon. Pars VII. Codd. Aethiopicarum. № XXII, pp. 37—68.

⁵⁾ Catalogue des mss. éthiopi., pp. 151—195.

въ ихъ каталогахъ рукописей Бодлеяны и парижской Национальной библиотекы. Изъ разсмотрѣнія ихъ прежде всего ясно, что для туземныхъ святыхъ не было строго опредѣленнаго канона: при большинствѣ святыхъ, общихъ обоимъ спискамъ, есть и такіе, которые встрѣчаются только въ одномъ изъ нихъ; нѣкоторые святые, которымъ посвящены въ Парижскомъ синаксарѣ полныя житія, въ Оксфордскомъ представлены однѣми замѣтками о памяти или вовсе опущены¹⁾, и наоборотъ²⁾. Тоже самое вытекаетъ и изъ сравненія упомянутыхъ синаксарей съ многочисленными Лондонскими, которые еще не описаны подробно. Вообще до полнаго критическаго изданія эіопскаго синаксаря по всѣмъ, имѣющимся въ распоряженіи ученыхъ, спискамъ, или, по крайней мѣрѣ, подробнаго описанія послѣднихъ, всѣ выводы въ области возсозданія и исторіи эіопскихъ святцевъ будутъ преждевременны. Попытки въ родѣ Sapeto³⁾, издаваемаго по доступному ему списку синаксаря нѣсколько краткихъ житій абиссинскихъ святыхъ съ итальянскимъ переводомъ также могутъ имѣть лишь значеніе предварительныхъ работъ. Сказанное сдѣлается очевиднымъ еще въ большей степени, если мы обратимся къ другимъ источникамъ эіопской агиологіи—гимнологіямъ и пространнымъ житіямъ. Въ практикѣ эіопской церкви имѣются между прочимъ два сборника стихотворныхъ пѣснопсловіи, расположенныхъ въ порядкѣ года: такъ наз. „славословія небеснымъ и земнымъ“ и „Господь воцарися“; послѣдній возникъ при царѣ Зара-Якобѣ, о чемъ вполне опредѣленно говорится въ предисловіи къ нему; первый, вѣроятно, также восходитъ къ этому времени, по крайней мѣрѣ Людольфъ уже пользовался имъ

¹⁾ Напр., Аввакума эчеггэ (21-го мѣсяца), Амда-Микаэля (подъ 3 хедара), Марха-Крестоса (24 тера).

²⁾ Напр., Лаэка-Марьяма (21 хамлэ), Валатта-Петросъ (17 хедара) и др.

³⁾ Viaggio e missione Cattolica fra i Mensa, i Bogos e gli Habal. (Roma 1857), p. 395—471.

и составилъ на его основаніи свои „Fasti Sacri Ecclesiae Aethiopicae“, бывшія до появленія трудовъ Дилльманна и Зотанбера единственными, но и теперь продолжающія служить необходимымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній въ вопросахъ эіопской агіологіи. Святцы, извлеченныя изъ этого сборника величаній на каждый день, даютъ намъ весьма большое количество именъ святыхъ, значительно большее, чѣмъ въ книгѣ „Господь воцарися“ и чѣмъ въ самыхъ полныхъ синаксаряхъ; разсматривая ихъ, мы приходимъ къ неизбежному заключенію, что большая часть туземныхъ абиссинскихъ святыхъ остается для насъ пока извѣстной только по именамъ. Что касается пространныхъ житій, то, конечно, это самый важный источникъ для знакомства съ эіопской агіологіей вообще и для уясненія интересующаго насъ вопроса въ частности. Только въ большомъ сочиненіи, посвященномъ всецѣло одному святому, могъ агіобіографъ, не стѣсняясь временемъ и мѣстомъ, изложить съ достаточной подробностью всѣ внѣшнія условія жизни святого, всю ея историческую и культурную обстановку, всѣ тѣ мелкія бытовыя подробности, которыя не могли найти себѣ мѣста въ краткомъ сказаніи, но для историка представляютъ глубокой интересъ и несомнѣнную цѣнность. Эти произведенія и должны лечь въ основу нашего изслѣдованія. Но чтобы послѣднее было полнымъ, необходимо принять въ соображеніе весь существующій матеріалъ, а между тѣмъ мы располагаемъ лишь весьма незначительной его частью, да и то попавшей къ намъ случайно. Пространныя житія туземныхъ эіопскихъ святыхъ—наиболѣе рѣдкое явленіе въ каталогахъ европейскихъ собраній рукописей. Переписываясь и хранясь въ мѣстахъ, гдѣ поддерживается память о святомъ и совершается его культъ, эти произведенія рѣдко выходятъ за стѣны обителѣй. Не принадлежа къ числу необходимыхъ книгъ въ ежедневномъ обиходѣ христіанина, они попадаютъ въ рукахъ частныхъ лицъ только тогда, когда повѣствуютъ о святыхъ,

пользующихся особеннымъ, всенароднымъ почитаніемъ, или случайно—если, напр., тотъ или другой вѣрующій почему-либо особенно чтитъ память какого-либо святого и постарался пріобрѣсти для себя житіе его, хотя бы вѣруя въ „завѣтъ“, безъ котораго не обходится почти ни одно эіопское житіе и который влагаетъ въ уста Христовы обѣщаніе особенной милости къ „переписывающимъ“ и „заказывающимъ“ житіе святого. Отсюда для насъ будетъ ясно, почему рѣдкая библиотека въ Европѣ обходится безъ эіопскихъ псалтирей и Евангелій отъ Іоанна, и, съ другой стороны, рѣдкая содержитъ житія эіопскихъ подвижниковъ. Только два собранія рукописей, какъ мы уже говорили, представляютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе, благодаря тому, что они составились при совершенно особенныхъ условіяхъ: это Британскій музей съ его библиотекой царя Теодора II и частная коллекція d'Abbadie. Изъ краткаго описанія послѣдней, составленной самимъ d'Abbadie¹⁾, мы знаемъ, какія важныя житія находятся въ ней, и невозможность воспользоваться ими поэтому особенно для насъ чувствительна. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что уже это, сравнительно небольшое количество пространныхъ житій, хранящихся въ двухъ указанныхъ собраніяхъ, заключаетъ въ себѣ жизнеописанія подвижниковъ, имена которыхъ не встрѣчаются ни въ синаксаряхъ, ни въ эксерптированныхъ Людольфомъ святцахъ. Если бы была возможность произвести разысканія во всѣхъ безчисленныхъ абиссинскихъ монастыряхъ, то оказалось бы налицо еще много житій туземныхъ святыхъ, о которыхъ въ настоящее время мы не имѣемъ понятія, не говоря уже о тѣхъ, которые намъ извѣстны по доступнымъ источникамъ лишь по имени. Попытка Conti Rossini пробраться въ Абисинію, остановившаяся на границахъ Эритреи и Дабро-Би-

¹⁾ Catalogue raisonné de manuscrits Éthiopiens, appartenant à Antoine d'Abbadie. Par. 1859.

занской обители, доказала самымъ нагляднымъ образомъ справедливость этого утвержденія. Уже въ первомъ и единственномъ монастырѣ, въ который удалось проникнуть этому ученому, оказались житія основателя монастыря и другія, неизвѣстныя въ европейскихъ собраніяхъ рукописей¹⁾. Все это доказываетъ, какъ скуденъ и случаенъ нашъ матеріалъ и, прежде всего, дѣлаетъ очевиднымъ, что даже полные эіопскіе святцы еще дѣло отдаленнаго будущаго.

При такихъ условіяхъ намъ представляется рискованнымъ дѣлать широкія обобщенія. Нашей задачей будетъ лишь разсмотрѣніе доступныхъ намъ агіологическихъ памятниковъ съ точки зрѣнія ихъ важности для историка, съ тѣми скромными выводами, какіе окажется возможнымъ сдѣлать на ихъ основаніи. Задача эта затрудняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мы имѣемъ дѣло съ рукописями очень поздней даты. Какъ извѣстно, вся находящаяся въ распоряженіи ученыхъ эіопская письменность не заходитъ за XIV в. и главной массой своей относится къ XVII—XVIII вв. Изъ житій, разобранныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи, только три относятся къ XV в.²⁾, всѣ остальные принадлежатъ уже болѣе позднему времени, такъ что только одно житіе моложе описываемыхъ событий на 30 лѣтъ. Особенно это чувствительно для святыхъ аксумскаго періода, жившихъ въ VI—VII вв. и представленныхъ житіями, составленными или списанными почти

¹⁾ Ricerche e studi sull' Etiopia. *Bollettino della Società Geografica Italiana*, 1900, 2, 104—121.

²⁾ Это житіе: Такла-Хайманота по вальдебской редакціи и Самуила изъ пустыни Вали въ парижской рукописи № 136, несомнѣнно относящейся къ XV в. и житіе Исаака Гарима, написанное Іоанномъ Аксумскимъ при царѣ Зара-Якобѣ. Отчасти сюда же можно отнести житіе Арагави, извѣстное по рукописи XVI в. въ Борджіанской коллекціи. Самыя древнія изъ имѣющихся въ Европѣ житій—Габра-Манфасъ-Кеддуса по рукописи Orient. 711 Брит. Муз. (само датируетъ себя временемъ царя Давида I, 1380—1409) и царя Лалибалы по рукописи Orient. 719, написанное до Зара-Якоба. (Wright, *Catalogue*, pp. 189 и 193). Наконецъ найденныя недавно Conti Rossini „Чудеса Ливанія“ написаны при царѣ Исаакѣ (1412—27).

цѣлое тысячелѣтіе спустя. Что принадлежитъ въ нихъ непосредственному преданію, что взято изъ записей, что, наконецъ, привнесено впослѣдствіи и самимъ авторомъ—распознать крайне трудно и не всегда возможно. Святые послѣдующаго періода—времени смуть и такъ наз. „великаго гоненія“ также имѣются въ спискахъ гораздо болѣе поздняго времени, но о времени составленія ихъ все же есть иногда данныя, въ достовѣрности которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться; наконецъ, житія святыхъ XV—XVII вѣковъ, времени уже болѣе близкаго къ намъ, составлены сравнительно скоро послѣ ихъ преставленія.

Итакъ, возвращаемся къ вопросу о томъ какимъ путемъ, рядомъ съ святыми, полученными чрезъ коптовъ отъ вселенской церкви и заимствованными у нихъ-же монофиситскими, появились у эіопскихъ христіанъ свои мѣстные, занявшіе столь видное мѣсто въ ихъ святцахъ. Лѣтописи не даютъ намъ на это никакихъ указаній, кое-что не всегда понятное и законченное сообщаютъ пространныя житія, въ общемъ можно высказать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, исходя изъ того, что мы знаемъ о практикѣ вселенской церкви въ древности съ одной стороны и особенностей устройства эіопской церкви—съ другой. Древняя вселенская церковь предполагала святость апостоловъ и мучениковъ *eo ipso*, и только съ періода появленія подвижничества начала вырабатывать нѣкоторыя правила канонизаціи, которыя долго были не сложны и вѣроятно высшей инстанціей имѣли епархіальныхъ епископовъ. Исслѣдователи находятъ возможнымъ говорить даже о „принудительномъ воздѣйствіи“ на волю послѣднихъ со стороны мірянъ, а также о канонизаціи, существовавшей епископской. Последнее могло имѣть мѣсто особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о великихъ подвижникахъ, которыхъ чтити на обителяхъ, какъ основателей, наставниковъ и руководителей, а окрестные міряне—за свя-

тость жизни, чудеса и духовное водительство ¹⁾). Вспомним, что и у нас едва ли есть возможность доказать непосредственность епископской канонизации для большинства преподобных, что же касается таких столпов русского монашества, как св. Θεодосій Печерскій ²⁾, Сергій Радонежскій ³⁾ и др., то приходится придти къ заключенію, что ихъ почитаніе началось немедленно послѣ ихъ преставленія, такъ сказать, само собою, безъ авторитета епископской власти ⁴⁾). Если это могло быть въ Россіи, гдѣ и во времена митрополитовъ—грековъ, невѣрствовавшихъ прославленію русскихъ святыхъ, была полная и непрерывная церковная іерархія, то въ Абиссиніи этому способствовало и устройство церкви. Прежде всего эта страна не составляетъ въ юридическомъ смыслѣ автокефальной церкви; до сихъ поръ она находится въ такомъ же отношеніи къ александрійскому монофиситскому патриархату, въ какомъ находилась русская къ константинопольскому до своей автокефальности. Разница заключается лишь въ томъ, что въ ней по большей части

¹⁾ См. Васильевъ, исторія канонизации русскихъ святыхъ, стр. 3 слѣд. Голубинскій—о томъ же (Сергійевъ Посадъ, 1894), стр. 4—15.

²⁾ Голубинскій, о. с. 32 сл.

³⁾ Ibid. 45 сл.

⁴⁾ До сихъ поръ это явленіе даетъ себя чувствовать. Можно перечислить много примѣровъ такой канонизации, которая при современныхъ сложныхъ условіяхъ официального причисленія къ лику святыхъ пошла по особому своеобразному пути. У раки или у гробницы святого служатъ панихиды, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей ставятъ свѣчи, приговлѣваютъ образки святого съ нимбомъ у лика. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются тропари и кондаки, которые поются въ день памяти (напр., Максиму Греку въ Троицко-Сергійевской лаврѣ), иногда дѣло доходитъ даже до всенощныхъ бдѣній съ литіями и величіями. Само собою разумѣется, что печатаются житія и чудеса угодниковъ. Такимъ образомъ послѣдніе отличаются отъ канонизованныхъ святыхъ только невозможностью править молебны и, большею частью, отсутствіемъ именъ въ святцахъ. То, что ихъ память читается только въ мѣстахъ ихъ упокоенія представляетъ уже количественное, а не качественное различіе. Изъ такихъ святыхъ, кромѣ Максима Грека, могу назвать Кирилла и Марію Радонежскихъ, Корнилія Переяславскаго, Константина и Косму Косинскихъ. Послѣдніе иногда даже помѣщаются въ мѣсяцесловахъ.

былъ одинъ архіерей и непременно иностранецъ, челоувѣкъ совершенно чуждой странѣ, презирающій свою одичавшую паству. При всемъ томъ случаи продолжительнаго вдовствования кафедры были обычны. Одинъ архіерей-иностранецъ на большое, раздробленное и природой и исторіей государство, часто совсѣмъ отсутствующій и почти никогда не любящій своей паствы, не былъ въ то же время юридически и высшимъ авторитетомъ; надъ нимъ стоялъ liqa—papasat za Eskenderja—патриархъ александрійскій, заинтересованный далекой Эіопіей лишь постольку, поскольку она давала ему доходъ при отправленіи туда новаго абуны. Между тѣмъ, эіопы мало-по-малу нашли себѣ церковныхъ сановниковъ ближе: не имѣя возможности учредить національный епископатъ, они изобрѣли туземныхъ акабе-саатовъ и эчеггэ, а также признавали за царями нѣкоторый авторитетъ въ духовныхъ дѣлахъ.

Эти авторитеты были единственными въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда Абиссинія была вовсе безъ митрополита, но и во время нормального хода церковной жизни въ странѣ они были ближе и доступнѣе. Нельзя забывать, что эчеггэ сдѣлался постепенно настоящимъ администраторомъ церкви и главой цѣлой благочиннической организации мамхеровъ и намѣстниковъ (nebugāna-ēd). Конечно, этимъ духовнымъ сановникамъ была дороже слава родной церкви, для нихъ было вполне естественнымъ заботиться о внесеніи своихъ соотечественниковъ въ списки угодниковъ Божіихъ и молитвенниковъ за ихъ отчизну. Вотъ что можно сказать а ргіогі. Какъ дѣло происходило въ дѣйствительности, сказать крайне трудно. Несомнѣнно одно—канонизация въ Абиссиніи, какъ и въ Россіи, происходила безъ участія патриаршаго престола; копты не знаютъ эіопскихъ святыхъ точно также, какъ греки не признаютъ нашихъ, абиссинскіе святые—мѣстные въ монофиситской церкви точно такъ же, какъ русскіе—въ православной.

Далѣ можно предполагать, что иногда въ святцы вносились имена по какимъ-то особеннымъ соображеніямъ, возникавшимъ въ кельяхъ невѣжественныхъ начетниковъ. Исслѣдователей приводитъ въ ужасъ 25 число мѣсяца сене съ именемъ Пилата и величаніемъ въ честь этого христуубійцы, но они вѣроятно не знаютъ, что это еще не самое худшее: подъ 29 генбота мы читаемъ: „и преставленіе Александра царя, сына Филиппа. Богъ молитвами его да помилуетъ насъ; аминь“, а подъ 29 сене „успеніе Марка, царя римскаго“. Если Александра Македонскаго можно было еще возвести въ пророки за жертвоприношеніе въ іерусалимскомъ храмѣ, то для Марка Аврелія, гонителя христіанъ, не было никакихъ основаній чествованія. Какъ пронивали подобныя monstra въ официальные церковныя книги, мы не можемъ опредѣленно сказать. Нѣкоторыя указанія даетъ намъ, правда, поздній, но вполне аналогичный случай, очевидцемъ котораго былъ Брюсъ, рассказавшій его въ запискахъ о своемъ путешествіи ¹⁾).

Какой-то дабра-либаносскій монахъ Себхата-Эгзіабхеръ додумался до святости Навуходоносора на основаніи такихъ текстовъ какъ Іезек. 29,20 Іерем. 43,10, Дан. 3.95-100, и увлекъ за собою много народа, уважавшаго его за святость жизни; дворъ также благоволилъ къ нему, а царь Такла-Хаманотъ III даже былъ серьезно убѣжденъ въ томъ, что Навуходоносоръ дѣйствительно ветхозавѣтный пророкъ. Отлученіе отъ церкви, провозглашенное на Себхата-Эгзіабхера акабе-саатомъ Саламой, нелюбимымъ за свою безнравственность и вскорѣ казненнымъ по обвиненію въ измѣнѣ, не имѣло дѣйствія и толпы народа стали требовать церковнаго собора, такъ что правительство должно было принять экстренныя мѣры для водворенія спокойствія. Чѣмъ дѣло кончилось — не-

извѣстно, т. к. Брюсъ вскорѣ долженъ былъ покинуть Абиссинію, но эта исторія во всякомъ случаѣ указываетъ намъ на то, что, по крайней мѣрѣ, въ концѣ XVIII в. вопросы о канонизаціи возбуждали въ обществѣ большой интересъ и рѣшались не такъ просто, разъ рѣчь могла заходить о соборѣ.

Пилать, Александръ, Навуходоносоръ — лица библейскія и при извѣстныхъ условіяхъ могли быть относимы къ тому классу, уже самая принадлежность къ которому обуславливала внесеніе въ святцы. Надо было только доказать право ихъ на принадлежность къ этому классу. Въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ находились мученики. Въ числѣ святыхъ, житія которыхъ намъ извѣстны, нѣтъ мучениковъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова ¹⁾; есть преподобноисповѣдники (Филиппъ, Ааронъ, отчасти Такла-Хайманотъ и Евстаеій) и исповѣдница (Валатта-Петросъ). Хотя они не пострадали до смерти, но много терпѣли гоненій, проливали кровь за свои убѣжденія и сподоблялись между прочимъ и мученическаго вѣнца. По этому и ихъ святость, вѣроятно, разумѣлась сама собой. Но было ли это такъ, мы сказать не можемъ, такъ какъ святость ихъ могла быть признана и помимо мученичества. Филиппъ былъ вторымъ преемникомъ Такла-Хайманота; если вѣрить житію — единственнымъ эіопомъ, удостоившимся епископства, отцомъ и руководителемъ множества монаховъ и при всемъ томъ — чудотворцемъ. Ааронъ основалъ новые монастыри не только въ странѣ, но и на ея дикихъ южныхъ окраинахъ, и былъ притомъ чудотворцемъ. Валатта Петросъ положила начало множеству обителей, была великой подвижницей, творила чудеса при жизни и источала ихъ по смерти. При всемъ томъ эта поборница національной вѣры была

¹⁾ Национальные мученики, какъ мы увидимъ ниже, въ эіопской церкви есть, но о нихъ, кромѣ упоминаній въ синаксаряхъ мы ничего не знаемъ. Исключеніе составляетъ царь Клавдій, если его только можно отнести къ мученикамъ.

¹⁾ Bruce, Travels III, 415—421. 226. Sq. 255, 412, 432, etc.

близко известна и царю и митрополиту; весьма возможно, что не только „гласъ народа“, а и правительство, какъ духовное, такъ и свѣтское, побѣдивъ иезуитское воинство, отпраздновали свое освобожденіе прославленіемъ святой. По крайней мѣрѣ, уже въ 30 году по ея преставленіи было написано ея житіе. Что касается Филиппа, то этотъ страдалецъ умеръ на глазахъ у митрополита Саламы III, который звалъ его подвиги и похоронилъ его; вѣроятно и прославленіе его совершилось не безъ его вѣдома. По крайней мѣрѣ житіе его писалось еще тогда, когда дабра-либаносскій монастырь не вполне оправился отъ послѣдствій гоненія, и агіографъ считалъ себя въ правѣ въ концѣ своего труда обратиться къ святому: „возврати разсыпаніе чадъ твоихъ, благоволи возсозданію разоренной обители, воздвиги паденіе ея“.... Память Аарона также начала чтиться его учениками сразу по кончинѣ; вскорѣ о ней былъ освѣдомленъ и митрополитъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ дважды житіе.

Великіе подвижники, какъ мы уже говорили, и въ православной церкви получаютъ культъ въ своихъ монастыряхъ уже среди своихъ ближайшихъ учениковъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія культа Такла-Хайманота, которую мы знаемъ нѣсколько болѣе подробно, имѣя подъ руками какъ обстоятельныя житія этого святого, такъ и странное житіе Филиппа, его второго преемника. Еще при жизни святого, когда онъ незадолго до кончины изнурялъ себя въ затворѣ усиленными подвигами и отъ неумѣреннаго стоянія сломалъ себѣ ногу, „ученики его обернули ее въ холстъ и погребли у подножія табота“¹⁾, т.-е. у престола и, такимъ образомъ, сдѣлали ее мощами. Когда онъ преставился, „его тѣло облекли въ прекрасныя пелены, возложили на новыя носилки и погребли въ церкви съ великой славой,

съ пѣніемъ и пѣснями. Было много восклицаній, плача, слезъ и рыданій. По всѣмъ предѣламъ Эеіопіи пронесся слухъ о его успеніи, вездѣ былъ великій плачь и скорбь, ибо палъ драгоценный столпъ, водруженный среди Эеіопіи и сокрылся въ сердце земли, какъ и отцы его. Плакали не одни монахи, а и власти и князья, великіе и малые, мужчины и женщины, всѣ рыдали. Тѣ, которыхъ онъ приводилъ къ вѣрѣ проповѣдью, и прежде, когда онъ поучалъ ихъ, оскорблявшіе его, увѣровавъ, считали его своимъ отцомъ, ибо подобна была проповѣдь его проповѣди отцовъ нашихъ апостоловъ. Благодать его умножилась по его смерти больше, чѣмъ во время жизни его плоти: отъ моря до моря умножились его плоды, каждое утро умножались и увеличивались рожденные имъ, его учениками и учениками учениковъ его послѣ него“¹⁾. Филиппъ устанавливаетъ непрерывное кажденіе надъ гробомъ святого и собираетъ со всей Абиссиніи всѣхъ мамхеровъ-благочинныхъ монастырей дабра-либаносскаго устава ежегодно ко дню памяти его²⁾. При Езекии совершилось перенесеніе мощей святого, какъ объ этомъ повѣствуетъ слѣдующій особый трактатъ³⁾.

„По прошествіи 56 лѣтъ послѣ успенія отца нашего Такла-Хайманотъ явился отецъ нашъ святому Езекии въ видѣніи 19 числа мѣсяца якатита въ полночь, облеченный свѣтомъ и сказалъ ему: „миръ тебѣ возлюбленный мой Езекиа! Чего ты медлишь: настало время, о которомъ сказалъ мнѣ Господь мой: „да перенесутъ тѣло твое отсюда чада твои по истеченіи дней“. И вотъ избралъ тебя Богъ коснуться плоти моей и костямъ моимъ. Теперь встань и удиви чадъ моихъ всѣхъ. Пусть они соберутся изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ

¹⁾ P. Gadla Takla Haymanot secondo la redazione Waldebbana. Memoria d. dot. Conti Rossini Carlo. *Reale Accad. d. Lincei*. Atti (CCXII, 1895), p. 121 Sq. (f. 39).

²⁾ См. ниже въ житіи Филиппа.

³⁾ Переводъ по рукою. Add. 16, 257. Брит. Муз. (Dillmann Catal., p. 50).

¹⁾ Парижская рукопись, № 137, f. 93 вверху.

къ 12 генботу — празднику Воскресенія Господа нашего и празднику Михаила возлюбленнаго моего. Вы устройте праздникъ духовный въ славословіи и молитвѣ, въ священнодѣйствіи, ибо въ день успенія моего радуются и славословятъ Ангелы небесные Господа всѣхъ; въ день смерти меня грѣшнаго, они радуются и говорятъ: „слава Господу всѣхъ на небесахъ, и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“. Да будетъ и для васъ, чада мои, какъ день радости, успеніе мое, и всякій, кто говоритъ мнѣ въ день сей: „отче, отче мой Такла-Хайманоте“, пусть придетъ въ день перенесенія моего и устройтъ праздникъ духовный. Я же вмѣстѣ съ Михаиломъ и Филиппомъ, сыномъ моимъ и возлюбленнымъ моимъ приду благословить народъ, собравшійся ради любви ко мнѣ“. И онъ говорилъ затѣмъ много, чего мы не могли записать.

„И затѣмъ былъ благословленъ отецъ нашъ Езекия и сказалъ „да будетъ воля твоя, отче“. И продолжалъ отецъ нашъ Такла Хайманотъ: „знай, что когда я приду, останки мои принесу трижды предъ престоломъ ковчега, и когда засіяетъ свѣтильникъ погасшій, по сему узнаешь время пришествія моего и знаменіе, которое будетъ до вѣка. И когда я захочу прийти, зажжется свѣтильникъ погасшій, и по сему узнаешь время пришествія моего въ роды родовъ и прославятъ творящаго чудеса во вѣки вѣковъ. Аминь“. И сіе сказавъ, онъ скрылся отъ него. И тогда отправилъ авва Езекия слугъ во всѣ страны, чтобы собрались чада его, разсѣянные, во едино. И послалъ онъ, говоря: „собирайтесь всѣ, именуемые Такла-Хайманотовцы переносить тѣло отца вашего изъ пещеры въ великій мартирій по волѣ Отца и Сына и Св. Духа и по волѣ отца нашего Такла-Хайманота, ибо тотъ, кто не придетъ сегодня на праздникъ перенесенія, не достоинъ говорить ему: „отче, отче и отче мой Такла-Хайманоте“, а отецъ нашъ не скажетъ ему: „сынъ мой“. И услыжавъ сіе, собрались чада

славнаго отца нашего Такла-Хайманотъ отъ востока и запада, отъ сѣвера и юга, издалека и изъ близи; такъ что не хватало мѣста; 12 мамхеровъ: Гонорій изъ земли Варабъ, Матѳій изъ Фатагара, Іосифъ изъ Энарэгъ, Андрей изъ Мората; эти собравшіеся и тѣ, которые были поставлены съ отцомъ нашимъ Филиппомъ, и прибыли они въ радости, обняли святаго Езекия. И затѣмъ 12 генбота сошлось новолуніе съ праздникомъ перенесенія въ день преполовенія, который есть завершеніе чина молитвы четверга, когда преподавалъ Господь нашъ плоть свою и кровь свою ученикамъ, въ ночь которую былъ преданъ, и по воскресеніи изъ мертвыхъ и въ преполовеніе завершилъ имъ жертвы и чинъ таинства причащенія, ибо „половина“ значитъ „средина праздника Пятидесятницы отъ Пасхи, и „Срѣтеніе“ — ибо Онъ явился ученикамъ только въ 3-й день, завершилъ въ день первый, когда увѣровалъ Ѳома; встрѣтилъ когда они шли на село и обновилъ имъ установленіе таинствъ, и въ день 40-й, когда вечерялъ съ ними, и взялъ Его облакъ и сокрылъ. И праздникъ Михаила совпалъ съ праздникомъ перенесенія славнаго, ибо они пребывали въ любви, какъ друзья и товарищи во дни живота святаго и въ священнодѣйствіи литургии, когда проповѣдывалъ отецъ нашъ Такла-Хайманотъ во всѣхъ странахъ, и Михаилъ носилъ хлѣбъ; отецъ нашъ Такла-Хайманотъ служилъ, а Михаилъ былъ за діакона и говорилъ: „востаните ни молитву“; отецъ нашъ Такла-Хайманотъ говорилъ: „миръ всѣмъ!“; онъ раздроблялъ хлѣбъ и раздавалъ народу тѣло и кровь Христову вѣрующимъ во имя Его. И поэтому совпалъ праздникъ Михаила съ праздникомъ перенесенія Такла-Хайманотъ. Сподоби насъ Господи благословенія его, рабовъ Твоихъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

„И затѣмъ встали 12 мамхеровъ съ Езекіей, отцомъ ихъ, и пошли къ скалѣ и прорыли гробницу святаго и обрѣли останки его прилипшими къ пеленамъ; и былъ подобенъ обви-

тому сегодня, погребенный 56 лѣтъ тому назадъ, и слышно было въ благовоніе, и кресты водружены въ изголовьѣ его направо и налево. И вошелъ Гонорій, что изъ земли Варавъ и сказалъ: „кто будетъ предо мной, и кто за мной при несеніи останковъ отца моего?“ И онъ взялъ крестъ и передалъ его отцу нашему Езекии къ изголовью. И когда хотѣли поднять его, сдвинулись кости его, ибо исчезла плоть его во дни жизни его отъ многихъ постовъ. И поклялся отецъ нашъ Андрей, говоря: „такъ да сотворить и со мною Богъ“. И онъ лобызалъ много разъ (?). И принесли чистые синдоны и обвили кости его и положили его въ малый гробъ и разрѣзали пелены его на мелкія части, и онѣ творили чудеса и знаменія. И произошла великая тѣснота, такъ что попирали другъ друга когда брали землю, и одному человѣку сокрушили ногу. И когда его коснулись пеленой святого, онъ исцѣдился въ тотъ часъ. И затѣмъ пришли 12 пастырей въ церковь и заперли двери. И отъ множества народа погасли свѣтильники, и они обнесли останки трижды у кивота. И пришелъ святой и зажегся свѣтильникъ; Михайлъ и Филиппъ слѣдовали за нимъ и пребывали надъ кивотомъ, пока погребались останки. И они благословили всѣхъ людей и вознеслись на небо во славу. И послѣ этого собрались мамхеры и устроили праздникъ въ радости, и пошли и возвратились по домамъ своимъ. Слава Отцу и Сыну и Св. Духу, давшему намъ сіе оставленіе грѣховъ нашихъ, помиловавшему насъ и искупившему насъ кровію страданій своихъ. Восхвалимъ авву Такла-Хайманота, .. начальника монаховъ страны Шоа, начавшаго въ ней ангельскій образъ подобно Антонію, понесшему схиму и облеченному монашествомъ рукою Ангела. И сей святой понесъ иго монашества отъ отца нашего Бадалота-Микаэль. Плоды сего аввы: Елисей бодрственный и Филиппъ пустынножитель и авва Езекия постникъ и авва Теодоръ радостный и авва Іоаннъ кроткій. Сіи суть, подвиги которыхъ мы помнимъ,

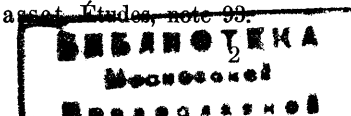
а тѣхъ, которыхъ мы не помнимъ, знаетъ Богъ; число ихъ, какъ звѣздъ небесныхъ.

Наконецъ, „много лѣтъ спустя боголюбимый царь Исаакъ любилъ слушать житіе блаженнаго Такла-Хайманота. Онъ повелѣлъ воздвигнуть ему церковь съ великой славой. И когда окончили построеніе и перенесли мощи его, собралось много болящихъ. И въ тотъ день совершилось много чудесъ отъ прикосновенія ко гробу святого“¹⁾. Добра-либаносское житіе влагаетъ еще свидѣтельство объ особенной святости Такла-Хайманота въ уста патріарха Матѳея I. Трудно сказать, слѣдуетъ ли понимать это, какъ тенденціозное измышленіе, или можно видѣть здѣсь разукрашенное воспоминаніе о дѣйствительномъ фактѣ признанія святости со стороны патріаршаго престола. Слѣдуетъ замѣтить, что Такла-Хайманотъ — единственный эіопскій святой, культъ котораго не чуждъ и коптской церкви, а время патріаршества Матѳея и царствованія Давида было дѣйствительно порой сравнительно дѣятельныхъ сношеній побѣдоносной Абиссиніи съ Египтомъ и святыми мѣстами. Коптскіе іерархи даже посѣтили Абиссинію по порученію египетскаго эмира²⁾. Итакъ все-церковная канонизація добра-либаносскаго основателя, именно при патріархѣ Матѳеѣ I, имѣетъ кое-что въ пользу своей вѣроятности.

Такимъ образомъ, почитаніе святого, установившееся само собою въ обители его, наконецъ скрѣпилось царскимъ авторитетомъ. Подобный же, хотя болѣе сложный, путь прошелъ культъ другого великаго подвижника — Евстаѳіа. Житіе рассказываетъ, что онъ умеръ „въ Арменіи“, былъ погребенъ тамъ патріархомъ, творилъ по смерти чудеса и на мѣстѣ упокоенія, и на родинѣ, гдѣ ученики его основали множество монастырей, соперничавшихъ съ такла-хайманотовскими. Это соперничество отразилось и на различныхъ сказаніяхъ въ житіи

¹⁾ Il gadla T. H. I. c.

²⁾ Quatremère, Mem. sur l'Ég. II, 276. Vassot, Études, note 99.

и было предвѣстникомъ крупныхъ раздоровъ болѣе поздняго времени. Евстаѳіанцы производили себя отъ другихъ именъ древности, имѣли другой уставъ и нѣкоторыя ритуальныя особенности, изъ-за несогласія съ которыми официальной церкви отпали отъ нея, и около столѣтія были вѣдъ ея огады. Царю Зара-Якобу удалось прекратить этотъ расколъ ¹⁾. Онъ пошелъ на уступки тѣмъ болѣе, что самъ склонялся въ почитанію субботы, которое евстаѳіанцы считали краеугольнымъ камнемъ не только своего устава, но чуть ли не всей церкви. Официальное введеніе „двухъ субботъ“ во всеобщее празднованіе уничтожило причину отпаденія евстаѳіанъ, и они примирились съ церковью. До этихъ поръ, конечно, не могло быть и рѣчи о все-церковномъ почитаніи ихъ основателя; въ „Книгѣ Свѣта“ Зара-Якобъ, говоря о немъ, отзывается съ большимъ уваженіемъ, но не какъ о святомъ, и даже предпочтительно называетъ его мірскимъ именемъ Макаба-Эгзізъ. Только по примиреніи ихъ съ церковью могъ Евстаѳій, православіе котораго старался доказать Зара-Якобъ, получить культъ во всей церкви и даже среди монаховъ другого устава. Такимъ образомъ и здѣсь не обошлось безъ царской власти ²⁾.

Ко времени Зара-Якоба, вѣроятно, относится и переводъ на эѳіопскій языкъ коптскаго синаксаря съ небольшими дополненіями о туземныхъ святыхъ, по крайней мѣрѣ первый извѣстный намъ синаксарь пожертвованъ царемъ Наодомъ 1445 г въ Дабра-Берханъ. Впослѣдствіи синаксарь пополнялся новыми мѣстными святыми. Несомнѣнно современна царю-богослову книжка „Egziabher nagasa“ — „Господь воцарися“, представляющая гимны въ честь праздниковъ и святыхъ на каждый день. Они собраны царемъ Зара-Якобомъ съ цѣлью при-

¹⁾ Dillmann, Ueber die Regierung, inslesondere die Kirchenordnung des Königs Zara-Jacob. *Abh. d. Königl. Preus. Akad.* 1884, p. 44—47.

²⁾ Въ синаксарномъ житіи Амда-Микаэля (см. ниже) сказано прямо, что царь Лебна-Денгель „установилъ память его“.

вести въ извѣстность святыхъ, прославленныхъ до его времени, сдѣлать такъ сказать общій сводъ, общій канонъ ихъ, нѣчто въ родѣ нашихъ святцевъ или мѣсяцеслова. Въ предисловіи къ ней мы читаемъ: „пѣснь „Господь воцарися“ и похвалы собору Ангеловъ, пророковъ и апостоловъ, собору праведныхъ и мучениковъ, собранныя царемъ нашимъ Зара-Якобомъ, сыномъ Давида. Да примутъ они завѣтъ свой отъ Бога своего Савваоа. Ради завѣта вѣщанія апостоловъ и ради завѣта страданій праведныхъ и мучениковъ, и ради завѣта Св. Маріи, запечатлѣнной дѣвствомъ плоти и помышленія, и ради тѣла и крови Іисуса Христа, великаго Архіерея, да упасутъ они его (т.-е. царя) днемъ и ночью“...

Интересенъ здѣсь „завѣтъ“ (kidān), который является какъ бы необходимой принадлежностью святого и, наоборотъ, былъ ея условіемъ. Ни одно житіе не обходится безъ того, чтобы Богъ предъ смертью не являлся святому и не давалъ ему обѣщанія помиловать до извѣстнаго поколѣнія всѣхъ совершающихъ память его, вѣрующихъ въ молитву его, творящихъ во имя его добрыя дѣла и интересующихся житіемъ его. Та настойчивость, съ которой повторяются эти „завѣты“ въ каждомъ житіи, та неукоснительность, съ которой авторы ихъ приводятъ эти завѣты, заставляютъ насъ серьезно подумать, не была ли наличность этихъ странныхъ для православнаго читателя обѣтованій такимъ же условіемъ помѣщенія въ святцы, какъ и чудеса.

Закончимъ наши предварительныя замѣчанія о святыхъ эѳіопской церкви указаніемъ на то, что кромѣ преподобныхъ, она прославляла и нѣкоторыхъ царей, оказавшихъ ей особенныя услуги. Кромѣ просвѣтителей Абреха и Ацбеа, она возносила на литургіи имена и помѣщала въ синаксаряхъ царей Калеба, Габра-Маскаля, Лабибалы, Наакуэто-Лааба, Θεодора I, Давида I, Зара-Якоба, Баэда-Марьяма, Лебна-Денгеля и др.

Что касается ликовъ святыхъ, то въ нашихъ источникахъ обыкновенно говорится о „пророкахъ, апостолахъ, праведныхъ и мученикахъ“, т.-е. подъ понятіе „праведныхъ“ могутъ подойти и святители, и преподобные, и праведные въ нашемъ смыслѣ. Впрочемъ, нерѣдко преподобные выдѣляются въ особую группу, называемую „монахи“ или „святые“, (qedusān). Особенно рельефно проведено это, напр., въ одномъ изъ чудесъ Габра-Манфасъ-Кеддуса, гдѣ „мученикамъ“ противопоставляются „святые“, подъ которыми разумѣются Шенути, Латцунъ, Киръ и Габра-Манфасъ-Кеддусъ. Въ другомъ чудѣ того же святого говорится о явленіи „святыхъ съ отцомъ ихъ Антоніемъ“, и въ томъ же текстѣ объ „Антоніи и монахахъ“. Въ житіи Евстаѳіа слово „святые“ употребляется, какъ синонимъ слова „монахи“, такому же словоупотребленію мы обязаны и тѣмъ, что абиссины называютъ своихъ вторыхъ просвѣтителей „девятью святыми“. Здѣсь, я думаю, „святые“ надо понимать не въ широкомъ смыслѣ, а какъ выраженіе, соответствующее нашему „преподобные“. Конечно, это не исключаетъ и того, что слово qedusān имѣло и общее значеніе.

Подобно другимъ христіанскимъ церквамъ, эѳіопская употребляла для отдѣльныхъ святыхъ особыя эпитеты, прилагавшіяся къ ихъ именамъ болѣе или менѣе послѣдовательно. Такъ, Самуиль вальдебскій называется въ житіи „добропамятнымъ“ (sēnāia-zēkēr), Филиппъ — „украшеннымъ“ (sērgēw), Ааронъ — „дивнымъ“ (manḳēgāwī)¹⁾, Валатта-Петросъ — „блаженной и святой“, Іосифъ — „свѣтиломъ міра“ и т. д.

¹⁾ Можетъ быть и „чудотворецъ“. Manḳēgāwī имѣетъ оба значенія, но для понятія „чудотворца“ чаще употребляются сложныя выраженія въ родѣ: „gabāgē taāmer“. Wright (Catal. p. 179) переводитъ „Aaron the Thaumaturg“.

II.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТОРОНА ЖИТІЙ.

Какъ писались пространныя житія и кто былъ ихъ авторомъ? Отвѣты на этотъ вопросъ мы находимъ во многихъ изъ дошедшихъ до насъ произведеній агіографической литературы, особенно во вступленіяхъ, послѣсловіяхъ и припискахъ. Въ житіи Арагави даются интересныя указанія даже въ самомъ основномъ текстѣ. Рассказавъ о томъ, что предъ „сокрытіемъ“ святого ему явился Спаситель, авторъ продолжаетъ: „утромъ онъ позвалъ Матѳіа ученика своего, ибо тотъ любилъ его болѣе всѣхъ учениковъ его, и сказалъ ему: „въ сію ночь являлся мнѣ Господь и далъ мнѣ завѣтъ“. И онъ рассказалъ ему все, что Онъ сказалъ ему, и какъ далъ завѣтъ ему, чтобы онъ записалъ и чтобы память объ этомъ завѣтѣ и этихъ подвигахъ была въ роды родовъ“. По преставленіи святого „когда они окончили плачь, рассказалъ имъ Матѳій все, какъ данъ былъ ему (святому) завѣтъ отъ Бога. И когда они услышали это, возрадовались великою радостью и благословили Бога и обратился плачь ихъ въ радость. Тогда принесли хартію (kērtas) и перо и написали книгу подвиговъ его и завѣта его, о которыхъ рассказали имъ Матѳій и Іосифъ, да будетъ польза слушающимъ. Все, что онъ совершилъ, не записано, да не будетъ безуміемъ для слушателей; немногое лишь записано